

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Куделко С. М., Посохов С. И. Научные дискуссии в СССР в годы сталинизма (проблемы современной историографии) // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20 – 80-е годы XX века). – Т. 2. – Харьков, 1995 – С. 307 – 316.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **e-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автори монографії

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ В СССР В ГОДЫ СТАЛИНИЗМА (ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Прогресс науки во все времена сопровождался дискуссиями. Характер этих дискуссий определялся как внутренними, так и внешними факторами. Значительный интерес представляют научные дискуссии в СССР в эпоху становления и развития командно-административной системы (конец 20-х - начало 40-х гг.). Эти научные споры стали объектом пристального внимания не только со стороны историков науки, но и всей научной общности, а высказанные в ходе их обсуждения точки зрения можно назвать дискуссиями о дискуссиях, то есть дискуссиями второго порядка.

Долгое время в советской историографии принято было писать преимущественно о достижениях науки СССР в 20-30-х гг.¹ Отчасти это было связано и с тем выводом, согласно которому развитие естествознания в социалистической стране означало принципиально новый «сознательно-диалектический» период в его истории². Начиная с середины 80-х годов, на страницах газет, журналов, а затем и в специальных историко-научных работах все больше появлялось материалов, посвященных другой стороне взаимодействия науки и общества, акцентирующих внимание на трагических страницах истории советской науки. В работах, увидевших свет в последние годы, можно прочитать о разгроме в 30-50-е годы генетики, языкознания, химии, педагогики, истории, социологии, аграрной экономики, статистики,

1 Кедров Б. М., Огурцов А. П. Марксистская концепция истории естествознания. Перв. четв. XX в. М., 1985, с. 335.

2 Афанасьева Т. Парадоксы растратной педагогики. - Огонек, 1988, № 7; Страницы истории советской генетики в литературе последних лет. Крутой стол. - Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ), 1988, № 2; Алпатов В. М. К истории советского языкознания: Марр и Сталин. - Вопросы истории (ВИ), 1989, № 1; Дружинин В. Н. О перестройке в психологии: причины застоя и средства ускорения. - Психологический журнал, 1989, т. 10, № 1; Успенская Н. В. Вредительство... в деле изучения солнечного затмения. - Природа, 1989, № 8; Ковнер М. А. Развитие квантовой химии в СССР (1930-1980). - ВИЕТ, 1990, № 1; Новик И. Б. Нормальная лженаука. - ВИЕТ, 1990, № 4; Филатов В. П. Об истоках лысенковщины (точка зрения философа). - Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990; Мерцалов А. Н. Сталинизм и освещение прошлого. - История и сталинизм. М., 1991, и др.

кибернетики, астрономии и других дисциплин (по-существу, практических всех наук)¹. Новая картина, созданная в результате этого, позволила говорить о деградации науки в период культа², кризисе социалистической науки, нашедшем свое проявление в подмене реального научного продукта фиктивно-демонстративным³, вульгаризации науки⁴, форменном погроме в науке⁵ и т.п. Думается, что подобные оценки все же несколько грешат односторонностью. Сбрасывать со счетов реальные и немалые научные достижения было бы неверно. Тем не менее и в данном случае, вслед за новейшей литературой, мы сконцентрируем внимание на состоянии изученности именно таких моментов. Это позволит, на наш взгляд, четче определить характерные черты историографии не только последних лет, но и десятилетий.

Нельзя сказать, что исследователи 60-70-х годов сопровождали эти вопросы абсолютным молчанием. Среди авторов, которые и в это время не обходили стороной трагические эпизоды из истории советской науки, можно назвать, например, Н. П. Дубинина и И. Т. Фролова (их труды посвящены истории генетики⁵). В работах по истории других отраслей науки такие сюжеты имели эпизодический характер. Общность позиций у исследователей данного этапа (обусловленная как всякого рода социальными ограничениями, так и относительной близостью изучаемых событий, отсутствием наработок теоретического характера и др.) выразилась в том, что речь, как правило, шла о внутринаучных трудностях и негативной роли отдельных ученых, философов, политиков. Что касается последней особенности, заметим, что она по-прежнему находит свое проявление

-
- 1 Семенов Е. В. Дисциплинарный статус культурологии. - Наука и ее место в культуре. Новосибирск, 1990, с. 91.
  - 2 Тыщенко В. П. Культуру - в центр науки. - Наука и ее место в культуре. Новосибирск, 1990, с. 122.
  - 3 Филатов В. П. Об истоках лысенковщины..., с. 45.
  - 4 Алексеев П. В. Предисловие. - На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990, с. 27.
  - 5 Фролов И. Т. Генетика и диалектика. М., 1968; Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1973. Далеко не все работы этих и других авторов были доступны массовому читателю в СССР в те годы. Некоторые из них распространялись по типу «самиздата», иные увидели свет лишь во второй пол. 80-х - нач. 90-х гг. (см., например, Астауров Б. Л. О генетике и ее истории. - ВИЕТ, 1987, № 3; Медведев Ж. А. История биологической дискуссии в СССР. - Книжное обозрение, 1989, № 6; Любичев А. А. В защиту науки: Статьи и письма. Л., 1991).

в историко-научных работах¹, а в ряде случаев даже приобрела гиперболические черты. Разоблачения преступлений Сталина привели к стремлению реабилитировать всех тех, кто был у него в немилости, и, наоборот, низвергнуть с пьедестала любого, кто занимал в это время стабильно высокое положение в науке и обществе. В результате ряды «лысенковцев» расширились за счет включения в их число В. Л. Комарова², В. Р. Вильямса³ и других. И это понятно, если учесть методологический подход, выраженный в следующей позиции: «Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стране обскурантов, человеком высокой морали среди негодяев»⁴. Но все же с конца 80-х годов в историографии вопроса усиливается мнение, согласно которому было бы ошибкой все сводить к Сталину, Лысенко, Презенту и др.⁵ Чаше речь идет об определенном типе ученого, который потребовался для создания «новой, коренным образом отличающейся от «буржуазной», науки»⁶. Правда, и в этом случае, тип нового советского ученого подразумевает пока лишь низкие моральные и профессиональные качества. В связи с этим нельзя не указать на некоторые противоречия, встречающиеся в исследованиях такого рода. Так, А. А. Гурштейн отмечает, что, с одной стороны, в стране был действительно создан высокий научный потенциал - добротные научные

- 1 См., например: Широкопад Л. К вопросу о влиянии культа личности Сталина на развитие политэкономии социализма в СССР в 30-е годы. - Вопросы экономики, 1989, № 3, с. 119; Дубинин Н. П. Генетика. Страницы истории. Кишинев, 1990, с. 56; В первой работе указывается, что в конце 1929 г. Сталин стал вдохновителем кампании дискредитации и разгрома тех научных направлений и концепций, которые, с его точки зрения, были ошибочными, во второй отмечается, что генетики вступили в противоречие с воззрениями Сталина; Лысенко же выступил как единомышленник Сталина против его противников-генетиков. В работе В. В. Бабкова утверждается, что заключение союза Лысенко и Презента в 1935 г. стало переломным моментом в судьбе генетики (Бабков В. В. Н. К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти. - ВИЕТ, 1989, № 3, с. 13).
- 2 Бабков В. В. Н. К. Кольцов: борьба за автономию науки, с. 16.
- 3 Новиков Ю. Две судьбы или еще раз о монополизме в науке, его героях, почитателях и жертвах, его методах и тяжелых деструктивных последствиях. - Наука и жизнь, 1988, № 6.
- 4 Резник С. Снова о Вавиллове и Лысенко. - Природа, 1992, № 11, с. 98.
- 5 Лебедев Д. В. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет. Круглый стол. - ВИЕТ, 1987, № 4, с. 121; Филатов В. П. Об истоках лысенковской «агробиологии»: Опыт социально-философского анализа. - Вопросы философии (ВФ), 1988, № 8, с. 4 и др.
- 6 Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки. - Природа, 1989, № 2, с. 98.

школы во многих направлениях, с другой стороны, количество ярких индивидуальностей в советской науке неуклонно снижалось (чему доказательством, по мнению автора, является незначительное число в СССР лауреатов Нобелевской премии)¹. Во-первых, обращает на себя внимание несоответствие высказывания о добротных научных школах², которые, как известно, характеризуются научными лидерами и оригинальностью идей, и тезиса о снижении количества ярких индивидуальностей. во-вторых, было бы наивно видеть в Нобелевских премиях абсолютный показатель качественного состояния науки (а такой взгляд характеризует и других авторов)³. Известно, например, что Л. Мандельштам, лидер одной из московских школ физиков, сделал открытие (за которое была присуждена Нобелевская премия другому ученому) раньше, однако таковую не получил. Знаменитый физик М. Бори демонстративно покинул помещение Нобелевского комитета, узнав о таком его решении⁴. Политический фактор сказывался и в данной области, правда, теперь «с другой стороны». К тому же следует заметить, что возрастание общественного статуса Нобелевских премий происходит лишь с 30-х годов XX в.⁵

В историографии вопроса исследователи пытались выйти на проблемы социально-экономической и идейно-политической детерминации негативных моментов в истории советской науки, однако сделано в данном направлении было немного. В последующие годы наблюдается устойчивая тенденция к расширению круга авторов, акцентирующих внимание на этих аспектах, кардинальным образом изменилось и понимание данного взаимодействия. Так, например, теперь неоднократно можно встретить в литературе указания на то, что тяжелый жребий, который выпал на долю биологии, связан с разрушением сельского хозяйства в ходе коллективизации⁶. На этом фоне, по

- 1 Гурштейн А. А. Заметки об опыте науки XX века. - Природа, 1992, № 5, с. 5.
- 2 Храмов Ю. А. Научные школы в физике: К., 1987. (Среди 21-й ведущей школы в мировой физике перв. пол. XX в. названо 8 советских).
- 3 Шупер В. П. Наука и демократия. - ВФ, 1988, № 8, с. 162; От редакции. - Природа, 1989, № 9, с. 10.
- 4 Мирская Е. З., Яровая Э. Л. Приоритетные конфликты в науке. - Наука и научное творчество. Ростов н/Д, 1981, с. 30.
- 5 Лалаянц И. Э. Нобелевские премии: почему нам их мало дают. - Вестник АН СССР, 1990, № 5, с. 78.
- 6 Александров В. Трудные годы советской биологии. - Знание - сила, 1987, № 10, с. 72; Лебедев Д. В. Страницы истории советской генетики в литературе последних лет. Круглый стол. - ВИЕТ, 1987, № 4, с. 121; Филатов В. П. Об истоках лысенковской «агробиологии», с. 10 и др.

мнению ряда авторов, и развернулись личные «научные» симпатии Сталина к «новациям» Лысенко, которые сулили невероятные положительные результаты. Представители же физики, химии, других дисциплин путем отсылки к оборонной или экономической значимости своих исследований сумели сохранить научные школы и плодотворные традиции¹. Как иногда отмечается, в оборонной промышленности Сталин вынужден был считаться с «настоящими учеными»². Такие выводы имеют под собой определенное основание, но в приведенных мнениях нетрудно обнаружить и противоречия: почему «оборонная и экономическая значимость» не вызывала в свою очередь научных спекуляций; и почему сельское хозяйство мы не можем причислить к тем отраслям, которые определяют обороноспособность и экономическое развитие?

Чем дальше, тем больше уделяется в литературе внимание и социально-политическим предпосылкам «деструкции советской науки и культуры». Правда, пока чаще мы встречаемся с формулой «лысенковщина - прямой результат культа»³, либо «марксизм - движение в науке, спровоцированное обстановкой, складывающегося сталинского культа»⁴ и т.п., чем с тщательной проработкой особенностей такой детерминации.

И все же, подводя некоторый итог сказанному, следует присоединиться к мнению И. Т. Фролова, согласно которому было бы упрощением оставлять за пределами анализа внутринаучные факторы⁵. Тем более, что социокультурное воздействие не является «внешним» для научного знания. Осознание данного положения вызвало определенную эволюцию в понимании критериев оценки и отбора теории от позитивистского взгляда, усматривающего их в сфере взаимоотношений теории и эксперимента, к постижению роли методологической основы научного творчества. Впрочем, как уже говорилось, изредка сегодня можно

- 1 Филатов В. П. Об истоках лысенковской «агробиологии», с. 10; Ахундов М. Д., Беженев Л. Б. У истоков идеологизированной науки, с. 98 и др.
- 2 Лебедев Д. В. Страницы истории генетики в литературе последних лет. Круглый стол. - ВИЕТ, 1987, № 4, с. 121.
- 3 Полянский Ю. И. Страницы истории генетики в литературе последних лет. Круглый стол. - ВИЕТ, 1987, № 4, с. 120; Великий подвиг рыцаря науки. Торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н. И. Вавилова. - Советская культура, 1987, 26 ноября; Судьба генетики в нашем отечестве. Круглый стол. - Суровая драма народа. М., 1989, с. 404 и др.
- 4 Горбаневский М. Конспект по корифею. Какой вклад внесли в науку сталинские статьи о языкознании. - Литературная газета, 1988, 25 мая.
- 5 Фролов И. Т. Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. М., 1988, с. 22, 395.

прочитать о том, что если бы Сталин не сделал Лысенко своим фаворитом, то туман быстро бы развеялся¹. Не отрицая специфики исторических условий, наоборот, концентрируя внимание на социальной истории науки, рассмотрим все же ту часть историографии, где дается характеристика особенностей развития логического строя науки СССР 20-30-х годов. Историками науки уже выдвинуто положение о том, что социальные и научные революции совпадают во времени². Не явился исключением и XX век. Несмотря на имеющиеся разногласия, большинство исследователей считают, что в исследуемое время происходила кардинальная перемена методологических основ ряда наук, в целом переход от классической науки к современной. Данный процесс, в свою очередь, породил серию научных споров по самому широкому спектру вопросов. На сегодняшний день имеется значительная группа работ, где на теоретическом и конкретно-историческом уровне исследуются функции, типы и роль научных дискуссий³. Немало места в этих исследованиях уделяется анализу ситуации, сложившейся в советской науке 20-30-х гг. Как и по другим вопросам, различие позиций в данном случае порой также носит диаметрально противоположный характер. Уже в 60-70-е годы дискуссия по проблемам генетики, например, трактовалась и как собственно научный спор по принципиальным вопросам⁴, и как порождение лженауки⁵. Такое положение наблюдается и в современной литературе. Отличие заключается лишь в том, что мнение, согласно которому эта дискуссия не носила научного характера, теперь можно чаще встретить на страницах научных и научно-популярных изданий⁶. Может быть, не так часто, но подобные взгляды проявляются и применительно к другим конфликтам в научной среде 1920-1930-х годов. Для того, чтобы разобраться в сути

1 Дубинин Н. П. Генетика. Страницы истории, с. 55 и др.

2 Гражданников Е. Д. Историко-статистическое изучение совпадений во времени социальных и научных революций. - Взаимодействие научно-технического и социального прогресса. Новосибирск, 1989 и др.

3 Роль дискуссий в развитии естествознания. Сб. ст. М., 1977; Роль дискуссий в развитии естествознания. Сб. ст. М., 1986 и др.

4 Развитие биологии в СССР. М., 1967, с. 12; Малиновский А. А. К вопросу о типологии дискуссий. - Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1977 и др.

5 Волькенштейн М. В. Трактат о лженауке. - Химия и жизнь, 1975, № 10, с. 75, 77 и др.

6 Александров В. Трудные годы советской биологии. - Знание - сила, 1987, № 10, с. 74; Резник С. Снова о Вавилове и Лысенко. - Природа, 1992, № 11, с. 98 и др.

противоречий, наблюдающихся в литературе, следует прежде всего остановиться на тех критериях, которые лежат в основе идентификации этой и аналогичных дискуссий. На первом месте здесь стоит, конечно, научность выдвигаемых положений. Не случайно, пример с Лысенко был отнесен Б. М. Кедровым к тому типу дискуссий, когда подлинной научности противопоставит лженавторство¹. Научность в таких случаях становится синонимом истинности. «Ученый должен иметь такие ценностные установки, которые не деформируют истину...», - читаем в одной из работ². «Основная характеристика знания - истина или ложь», - встречаем еще более четкий тезис в другой³. Отсюда вытекает позиция, которую сформулировал Б. Рассел: «...Принципиальное разделение сфер истины и лжи имманентно науке, а, значит, предложения, не оценимые по истинности, должны быть изгнаны из нее»⁴. М. В. Волькенштейн высказал аналогичную мысль, дополнив ее требованием не публиковать лженаучные работы⁵. Не говоря уже о том, что в современной науке не всегда можно провести четкий водораздел между научным и ненаучным (лженаучным), еще труднее реализовать такие установки применительно к истории науки. Сегодня вряд ли кто-либо станет возражать против вывода об эволюционирующем характере критериев научности⁶. То есть вопрос об истинности научных знаний не может решаться без соблюдения принципа историзма. Иначе речь будет идти о «заблуждениях, возникших без достаточных оснований»⁷. Утверждение «к истинному знанию ведет лишь истинный метод»⁸ не более чем абстракция. Имеется немало примеров, когда в научной практике работали и работают с полуподтвержденными теориями⁹ и когда фантазия приводила к блестящим результатам, а

1 Кедров Б. М. Объективная основа научных дискуссий. - Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986, с. 41.

2 Кочергин А. Н. Наука и ее место в культуре как комплексная проблема. - Наука и ее место в культуре. Новосибирск, 1990, с. 13.

3 Сычева Л. С. Анализ сциентизма как мировоззренческой установки культуры. - Наука и ее место в культуре. Новосибирск, 1990, с. 163.

4 Цит. по: В. Б. Реальность, истинность и пустые термины. - Современная наука и научное познание. Томск, 1979, с. 81.

5 Волькенштейн М. В. Указ. соч., с. 79.

6 Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987, с. 45.

7 Мигдал А. О психологии научного творчества. - Наука и жизнь, 1976, с. 104.

8 Шлыков В. Г. К вопросу об основных исторических формах взаимосвязи философии и науки. - Проблемы философии, 1989, № 81, с. 83.

9 Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации..., с. 94.

принципиально ошибочные построения были всего лишь закономерным этапом на пути научного прогресса (теория флогистона, которая господствовала сто с лишним лет, и в которой весь химический мир «стоит на голове», является колыбелью экспериментального метода, по сути она превратила химию в науку¹). Иные ученые прямо отмечают пользу разработки любой проблемы, даже заведомо ложной². Другой вопрос - почему «догматическая реакция», по терминологии одних³, или «гипертрофированная вульгарная наука», по определению других⁴, оказывается более сильно выраженной в отдельных странах. Ответ на него лежит в плоскости социальной истории науки. В противном случае решение будет вращаться по замкнутому кругу типа того, что лженауку поддерживают лжеученые⁵.

В последние годы появились работы, где акцент делается не только на особенностях социально-политической обстановки (например, тоталитаризм в Германии и СССР как фактор, способствующий догматизации), но и причинах культурно-психологического характера. В свое время известный немецкий физик В. Гейзенберг обратил внимание на ту особенность, что наглядные представления, олицетворявшие собой науку дореволюционного этапа, были в большей степени присущи европейской культурной традиции, чем американской. «Если в Европе, - отмечал он, - отсутствие наглядности в новой атомной теории, дуализм корпускулярного и волнового представлений, чисто статистический характер природных законов, как правило, вели к ожесточенным спорам, а иной раз и к категоричному отрицанию новых идей, то американские физики в большинстве были, похоже, готовы без всяких затруднений принять новый взгляд на вещи. Для них он как бы не представлял никакой проблемы⁶. Это наблюдение относительно абстракций и наглядности подтверждается и на материалах советской науки. Выступая против «излишнего абстрагирования», философ Э. Кольман в свое время указывал, что «наглядность связана не с какой-либо определенной - механической, электромеханической и т.п. - моделью, а с рациональным соответствием теории

1 Кузнецова В. И. Химическая революция Лавуазье. - Природа, 1989, № 9, с. 20.

2 Грушко А. X. Свобода ученого и детерминанты научного творчества. - Современная наука и научное познание. Томск; 1979, с. 64.

3 Чудинов Э. М. Теория относительности и философия. М., 1974, с. 3.

4 Филатов В. П. Об истоках лысенковщины..., с. 44.

5 Волькенштейн М. В. Указ. соч., с. 76.

6 Гейзенберг Г. Физика и философия: Часть и целое. М., 1989, с. 219.

действительности»¹. Подобные взгляды характерны и для некоторых других философов и естествоиспытателей.

Следующим критерием при осмыслении типа научных дискуссий, развернувшихся в конце 20-х - нач. 40-х годов, выступает форма их проведения. В разряд «лжеученых» зачастую априорно попадают те, кто хоть каким-то образом прибегал к вненаучным аргументам, ибо в этом случае речь идет о «привоестественном вплетении политических лозунгов и терминов в научную дискуссию, об искусственном притягивании философских и идеологических категорий в обсуждение конкретных практических проблем...»². В научных же спорах указанного времени подобную картину мы можем наблюдать сплошь и рядом. Не случайно, при написании работ биографического жанра, такого рода факты, если они исходят от главного героя книги, либо замалчиваются, либо сопровождаются пространными объяснениями извинительного характера³. Лишь в работах последних лет стали появляться утверждения о том, что когда исчерпываются возможности научной аргументации, доводы берутся из всего культурного запаса, в том числе и среди наиболее сильных в данных социально-культурных обстоятельствах, тех, которые относились к сфере философии и политики. И что этот процесс является естественным⁴. «Чем сильнее физик хочет утвердить свою позицию, - пишут Г. Е. Горелик и В. Я. Френкель, - тем меньше он стремится соблюдать «правила физической игры», тем более, что строгость этих правил - иллюзия»⁵. Добавим к сказанному, что научные и вненаучные доводы не сменяют друг друга, они сосуществуют.

Весьма важным выглядит тезис о том, что в определенном поле культуры на первый план выступают определенные формы дискуссии⁶. И это понятно, если учесть подмеченную особенность значительных научных дискуссий: лишь на первый взгляд они ведутся вокруг специальных вопросов, на самом же деле в центре спора находятся вопросы большого мировоззрен-

Кольман Э. Теория квант и диалектический материализм. - Под знаменем марксизма, 1939, № 10, с. 135.

2 Новиков Ю. Указ. соч., с. 66.

3 Лейбсон Л. Г. Академик Л. А. Орбели. Неопубликованные главы биографии. Л., 1990, с. 121 и др.

4 Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Матвей Петрович Бронштейн, 1906-1938. М., 1990, с. 66, 122.

5 Горелик Г. Е., Френкель В. Я. Указ. соч., с. 122.

6 Огурцов А. П. Исторические типы дискуссий и становление классической науки. - Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986, с. 53.

ческого значения¹. В литературе можно найти высказывания о том, что революции в системе естествознания, как правило, охватывают довольно длительную эпоху - от разработки новых представлений до их включения в систему культуры². Весьма интересным в этой связи выглядит мнение, высказанное в зарубежной историографии П. Форманом. То обстоятельство, что математики и физики были выразителями культуры определенного периода, к которому наряду с ними принадлежали также философы, представители искусства, политики, просто обыватели, считает он, оказалось более весомым и значительным, чем их приверженность научным идеалам³.

Таким образом, чем дальше, тем больше становится видна ограниченность традиционных рассуждений об «этносе науки». Ибо, с точки зрения новейшей философии науки, объективный мир представляет не только открываемым, но и социально и интеллектуально конструируемым. К сожалению, такой вывод далеко еще не освоен в историко-научных исследованиях, в чем и видится задача сегодняшнего и завтрашнего дня в изучении рассматриваемой проблемы.

-
- 1 Микулинский С. Р. Научная дискуссия и развитие науки. - Роль дискуссий в развитии естествознания. М., 1986, с. 4.
  - 2 Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и исследование Вселенной. - Философия, естествознание, современность. М., 1981, с. 33.
  - 3 Цит. по: Маркова Л. А. Наука и культура в контексте ситуационных исследований. - Наука и ее место в культуре. Новосибирск, 1990, с. 156.